

Все затронутые здесь вопросы о мотивировке «Жития» Аввакума, о манере его «сказа», о соотношении его «Жития» с «Житием» Епифания вызывают необходимость выяснения вопроса об общем характере взаимоотношений этих двух писателей-автобиографов, о тех конкретных условиях и формах, в которых развивалось их творчество и многолетнее общение, продолжавшееся с 1667 г. до смерти обоих на костре в 1682 г.

II

Аввакум был особенно внимателен к Епифанию уже в начале их знакомства. После первой казни Лазаря и Епифания, по приезде узников в Братошино под Москвой, Аввакум навещал старца, который «запечатлев уста, седел весь слезен».²⁰ Но вскоре, пишет Аввакум, старец прислал к нему стрельца «с радостию: не кручинься бо обо мне; и мне-де дала язык... богородица». Отправившись к другу, Аввакум первый засвидетельствовал и описал это «чудо». Оба они «порадовахся, поговорили кое о чем». Епифаний рассказал Аввакуму, как он «проглаголал и как его казнили». Передавая далее рассказ Епифания о его видении, Аввакум переходит на изложение от лица самого старца: «Она же мне отверзла уста, и аз-де и стал говорить ясно».²¹ В этой первой «завязке» отношений двух писателей сказались основные черты их последующего общения: дружеское участие и единомыслие, беседы о своей жизни и о видениях, литературное отражение этих бесед.

Непосредственное общение писателей продолжалось и в течение трехмесячного пути в Пустозерск, и еще долгое время по прибытии туда (12 декабря 1667 г.). Воеводе пришлось расселить четырех узников²² «порознь, очистиа пустоозерских крестьян избы», так как он не мог выполнить царский указ о том, чтобы сделать для них окруженную тыном тюрьму, состоящую из четырех отдельных «изб», отгороженных друг от друга «тыном же». Только в августе 1669 г. пустозерцы начали строить тюрьму. В октябре 1670 г. разгневанный царь приказал тюрьму «сделать тот час», а «мужиков», задержавших постройку, «бить кнутом».²³

Этот первый и сравнительно легкий период пустозерской жизни соузников (до 1669 г.) не был особенно плодотворным в литературном отношении. Но зато это было время их устного общения, углубления знакомства друг с другом и формирования взаимоотношений. К этому периоду мы отнесем мысль П. К. Паскаля о том, что Аввакум в своих долгих беседах с Епифанием неоднократно сообщал ему различные эпизоды из своей богатой приключениями жизни.²⁴ Такие автобиографические беседы, украшенные фантазией, вообще вполне естественные в условиях суровой ссылки, были особенно уместны в среде первоучителей старообрядчества, которые осознали себя мучениками за «истинную» веру. Епифаний впопыхавшись потому и «понудил» Аввакума написать его «Житие», что уже ясно представлял себе важность этого труда для их общего дела.

В темницах общение писателей продолжалось: «к старцу пойду посидеть в ево темницу», «у старца сижу», — писал Аввакум (72). Но затем

²⁰ РИБ, т. 39, стлб. 708, 712.

²¹ РИБ, т. 39, стлб. 707, 711.

²² Первоначально в Пустозерск были сосланы Аввакум, Никифор, Лазарь и Епифаний. В 1668 г. туда был привезен Федор. Никифор вскоре умер.

²³ С. Б. Веселовский. Документы о постройке Пустозерской тюрьмы. — Памятники первых лет русского старообрядчества, в. II. СПб., 1914, стр. 7, 10, 13.

²⁴ См.: P. Pascal, стр. 484.